

Редуют ряды ветеранов

➤ Перестало биться сердце замечательного человека, фронтовика Ивана Александровича Жохова

В ВОЗРАСТЕ 93 лет скончался ветеран Великой Отечественной войны, известный и уважаемый человек Иван Александрович Жохов. В память о нем мы публикуем этот материал из книги «Магнитка и Победа».

Иван Александрович Жохов родился 18 августа 1918 года в Агаповке. Начало жизни совпало с нелегким временем: гражданская война, голод, отец – в эмиграции, в Китае.

– Мы, дети, весь день были предоставлены сами себе, – рассказывает Иван Александрович. – Иначе и не могло быть: мать одна была работница. Летом у мальчишек любимые занятия – рыбалка, купание, походы за Урал или в горы, игры в мячик, прятки, чижик, чушки (городки), кости (казаны). Все лето босиком, на ногах ссадины и цыпки. Если сбивали ногу или царапали руку до крови, ранку посыпали землей, и все заживало.

Улица учила с малолетства стоять за себя, давать сдачи. Но улица была тогда «чище». С малого возраста нас учили и заставляли здороваться со старшими, уступать дорогу, говорить взрослым «вы», не вступать в разговор старших, не обижать, а защищать маленьких и слабых. Эти правила поведения стали привычкой на всю жизнь.

В пятый класс родители устроили меня учиться в межколхозную школу крестьянской молодежи – ШКМ – в станицу Магнитную. Это был первый выезд из Агаповки, мне пошел тринадцатый год. Учился с удовольствием. Год закончил на одни пятерки. Отец и мать приехали тогда на родительское собрание: остались довольными.

Началось строительство второй плотины. И вся низовая часть станицы Магнитной попадала под затопление. Школу закрыли. Набора на 1931–1932 годы в ШКМ уже не было. Содержались учащиеся школы тогда за счет взносов колхозов и бюджета. С закрытием ШКМ учиться в городе в общеобразовательной школе не имел возможности. Нужно было поступать в ФЗУ или стройуч. Других заведений, вроде ремесленных училищ, где бы содержали учащихся за счет государства, не было. Но в ФЗУ и стройуч принимали с пятнадцати лет, а мне было только тринадцать: пришлось прибавить два года. Приняли в стройуч.

Осенью 1931 года приступил к занятиям. Стипендия – 32 рубля. Это неплохо. В общежитии зимой холодно – кутру вода в умывальнике замерзала. Но мысли не было, чтобы бросить учебу и уехать. Некоторое время зимой в училище выдавали ботинки на деревянной подошве и пексы – лыжные ботинки с загнутым носком. Учили нас так, чтобы после выпуска были сразу пригодными к работе, ведь работников любой специальности не хватало.

На третьем году обучения, в феврале 1934 года, нас выпустили досрочно и по комсомольскому призыву направили всю группу полностью – в железнодорожное депо ММК. Меня оставили в паровозном депо слесарем в бригаде по текущему ремонту ходовой части паровозов – поршни, золотники, кулисы, дышла. В депо проработал до июня 1935 года. Захотелось пожить дома, где предложили работу секретарем поселкового совета. Место оставалось вакантным, и я поступил на должность без особых раздумий.

Проработал до февраля 1936 года. Уволился и поехал с другом Василием Завгородневым в Баймак на золотые прииски. В июле 1936 года вернулись домой в Агаповку. Поступил работать в ремонтно-механический цех известкового карьера.

В жизни бывают такие события, которые круто, в корне меняют жизнь, иногда независимо от воли и желания. Для меня – это арест отца и война. Пришлось переосмысливать, перекаривать свои желания и намерения.

После ареста отца беззаботная юношеская жизнь закончилась. Стали жить, как позволяли обстоятельства. Я работал в ремонтно-механическом цехе на известковом карьере слесарем. Брат Вася учился в третьем классе. Мать содержала хозяйство: корову, молодняк, птицу. На жизнь хватало.

Летом 1936 года после возвращения с прииска познакомился с Евдокией Дмитриевой. Очень приметная была девушка. Первые попытки завязать отношения были безуспешными. Ходил вокруг довольно долго. Мало-помалу она стала «видеть» меня, разговаривать. Взаимность крепла. В 1939 году в декабре мы поженились. 27 октября 1940 года родилась дочь Валентина. Через четыре месяца Евдокия пошла работать в Агаповскую районную контору связи сортировщицей.

В конце мая 1941 года получил повестку о призыве на военную службу. Начальник карьера и начальник цеха предлагали бронь, говорили, что с военкоматом решат этот вопрос. Но от брони я отказался. За несколько оставшихся дней оформил увольнение, посетил родных, написал коротенькие записки тестю, Григорию Егоровичу, и своей матери, Марии Петровне, чтобы в случае чего помогли моей семье. Такую просьбу устно не мог высказать: что могло случиться в мирное время?! Но что-то меня заставило. Затем перед отправкой – прощальный ужин...

22 июня, возвращаясь с занятий, узнали, что началась война. В начале июля приняли присягу со всеми вытекающими обязанностями и ответственностью. В июле 41-го наш отдельный батальон перебрасывают на Западный фронт в район озера Селигер, на Ржевско-Вяземский оборонительный рубеж. Батальону отвели участок для оборудования оборонительного рубежа. На противотанковых рвах ставили дзоты. Я был назначен техником роты. По указанию военного инженера по схемам делал разбивку на местности огневых точек, блиндажей, окопов около НП. Следил за правильным выполнением работ.

В сентябре 1942 года нас сняли с этого участка и на автомашинах перебросили на Северо-Западный фронт в район Старой Руссы Новгородской области. Через некоторое время Ржевско-Вяземский оборонительный рубеж немцы прорвали при наступлении на Москву, и весь рубеж остался у них в тылу.

Батальон был расформирован и на его базе создан отдельный 223-й мотоинженерный – инженерно-саперный батальон. В составе действующей армии батальон воевал до конца войны.

Осень и начало зимы провели в обороне. Стояли вместо пехоты. За нами в тылу – артиллеристские позиции. Скоро нас перебросили на реку Мета. Там проходили бои за Малую Вишеру.

Мы были неплохо обучены минному делу, выполняли задания по

установке и снятию мин на минных заграждениях. Проверяли участки, особенно придорожные, на наличие мин – визуально, шупом, миноискателем. Когда перешли реку Полу, в деревнях проверяли подвалы домов, сараи, огороды – места, где могли спрятать «сюрпризы». Выполняли другие задания, как положено саперам, нередко под бомбежкой, обстрелом, а иногда и стоя в воде.

В такой обстановке даже незначительный эпизод, связанный с домом, дорогого стоит. Однажды на очередном «новом расположении» копали щели на случай бомбежки или обстрела. Измотались здорово. И тут появился военный почтальон. Я получил письмо от дома. В конверте, кроме письма, несколько табачных листочков. Это было здорово. Махорка имела, но ведь эти листья табака-самосада – из дома, сорванные, подсушенные и вложенные в конверт женой. Закурили, хватало всего на две-три закрутки, но по одной затяжке сделали ползвода. Тут и шутки, и хорошая разрядка. Однажды получил письмо из дома с фотокарточкой дочки Вали. Рассматривали все, кто был рядом, передавая фотографию друг другу. Естественно, у каждого возникало свое видение, свои воспоминания о доме, о семье.

Под Старой Руссой наш отдельный батальон входил в состав 11-й армии. Это в районе Рамушева Новгородской области с северной стороны Демянского выступа. Наши войска окружали немцев в районе Демянска, но гитлеровцы деблокировали окруженные войска, сделали коридор у Рамушева. 28 ноября 1942 года наши войска начали наступление с обеих сторон Рамушевского коридора с целью прорвать фронт у Рамушева, замкнуть окружение и уничтожить части 16-й немецкой армии в Демянском котле. Нашему батальону

была поставлена задача саперного и инженерного обеспечения атакующих: обнаружение и обезвреживание мин на выделенном участке, устранение завалов, проволочных заграждений, других препятствий. Задача взвода – сопровождение в бою подразделения танков.

К вечеру подошли к месту назначения. Ночевали на опушке леса на снегу, устелив «постель» из еловых лап. Утром затемно закусили, выпили по сто грамм и выдвинулись на исходную позицию к нашим танкам. Последовала команда десантникам занять места на танках. С десантниками разместились и саперы, по два-три человека на каждый танк. Часов в восемь по команде «Вперед!» вся масса двинулась: танки, пехота, саперы, артиллеристы со своими 45-миллиметровыми орудиями. Прошли некоторое расстояние. Мы, саперы, прыгнули с танка и пошли около, прикрываясь броней, а десант остался на танке. Огонь был сильный.

Танки двигались уступом параллельно один другому. Место оказалось болотистое и еще не промерзло. Пытались укрепить грунт под гусеницами бревнами и фашинами, но это не помогало. Танк сел на днище. Обследовали впереди местность. Оказалось, почва вокруг не промерзшая, непрочная. Танкам было приказано отойти в сторону, к лесочку. Из-за сильного огня немцев пехота и все приданные ей подразделения остановились, залегли. Иначе говоря, атака захлебнулась. Было много убитых и раненых.

Не знаю, сколько было попыток наступления в этот день и последующие, но замкнуть кольцо не удалось. Наше наступление немцами было отбито. В этот день меня дважды ранили. Первый раз – пулевое ранение в колено, второй – осколочное в тазобедренный сустав. В батальонную санчасть меня доставили на плащ-палатке двое солдат, один из

них Борис Хасанов, челябинец. После перевязки отправили в полевой (сортировочный) госпиталь. Через несколько дней – в тыловую госпиталь в город Нежинск, где пролежал более месяца. Осколок внутри раны оброс и не мешал, решили его пока не трогать. Позже рана открылась, и осколок извлекли уже в 1946 году в госпитале в Челябинске.

Рана в колене не заживала, сепсис расширился. Нogu ампутировали. Через некоторое время отправили в Казань. Сделали протез. Чтобы быстрее освоить его, носил ведро воды с этажа на этаж. Домой возвратился на протезе, без костылей и без провожатого.

Чувствовать себя неполноценным – тяжело. Особенно в самом начале жизни. Отправил своей Евдокии Григорьевне письмо, в котором написал все как есть, что может считать себя свободной и устроить жизнь со здоровым человеком. Евдокия Григорьевна быстро ответила, что я не прав. 16 сентября 1943 года в Казани, в эвакогоспитале № 1311, меня комиссовали как инвалида Отечественной войны.

Вернулся домой 20 сентября. На левобережном железнодорожном вокзале меня встречал тесть Григорий Егорович на лошади.

Дома у ворот встречали жена, мать и уже подросток дочь Вали. Незабываемое чувство волнения и радости. Как будто недавно расстался. Дома я не был два года и четыре месяца.

Работать на производстве уже не мог. В райисполкоме оказалась вакантная должность председателя райплана. Пошел на беседу к председателю РИК Петру Тихоновичу Воропанову. Побеседовали, и приняли меня на работу. На очередном заседании райсовета утвердили в должности. Так я стал председателем районной плановой комиссии. 17 августа 1944 года родилась дочь Лидия.

Весь о взятии Берлина и о безоговорочной капитуляции Германии трудно выразить словами. Это радость, вздох облегчения и чувство победителей. День Победы встречали на площади. Казалось, что все жители вышли на площадь. Мы тоже вышли всей семьей. День был ясный, солнечный. Все были радостными, но были и слезы.

В 1946 году надумали строить дом, оформили ссуду в банке. Дом поставили на том же месте, где стоял дом деда. В 1949 году зимовали уже в новом доме.

В 1948 году в районах начали создавать отделы по сельскому строительству – райсельстрои. Я перешел из райплана работать начальником райсельстроа.

21 марта 1950 родилась дочь Светлана, 27 июля 1953 года – дочь Нина. В 1957 году закончил учебу в Высшей школе профдвижения, получил диплом с отличием по профессии «экономист по труду». Работал начальником бюро технормирования в отделе труда, председателем профкома, заместителем начальника цеха. В сентябре 1963 года был назначен начальником планово-экономического отдела завода. 15 января 1982 года вышел на пенсию»

Общественная палата Магнитогорска выражает глубокие соболезнования уполномоченной по правам детей, нотариусу Наталье Борисовне Флейшер, родным и близким в связи с кончиной Ивана Александровича Жохова. Память об этом замечательном человеке всегда будет с нами.

➤ Повестку о призыве на военную службу он получил в конце мая 1941 года